

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ, АМЕРИКАНСКАЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ

© 2011 г. Г. Глисон

Преобладающие концепции в описании XX столетия отражают главным образом “структурные” аспекты международной политики. Великие державы, малые государства, стратегии, ресурсы, влияние и внешнеполитические инструменты – именно эти факторы создали формат международных отношений. Творцы внешнеполитической стратегии рассуждали в категориях “большой шахматной доски”, стремясь рассчитать политические риски и выявить конкурентные преимущества. В результате первая половина XX в. прошла под знаком торжества идеи господства великих держав, а вторая его половина – под знаком торжества идеи “двух полюсов силы”. Биполярная структура международных отношений преимущественно характеризовалась наличием двух взаимно противоположных и антагонистических векторов в развитии экономических и политических отношений. С распадом коммунистического блока биполярный мир пережил период глобальной реорганизации. На последнее десятилетие XX в. пришелся окончательный переход от биполярности к гораздо менее понятной эре “многополярности” – типу мироустройства, характеризующемуся многочисленными конкурирующими, конфликтующими, компенсирующими друг друга разнонаправленными политическими векторами (многовекторностью).

Первое десятилетие XXI в. охарактеризовалось рядом событий, которые не относились к предсказуемым и ожидаемым в рамках устоявшейся теории международных отношений. Американское внешнеполитическое влияние оказалось одновременно значительно более сильным, чем это предполагали многие люди во всем мире, но и гораздо менее эффективным, чем ожидалось. Глобальные драматические потрясения в экономике первой декады резко контрастировали с условиями предыдущего столетия. Изменения, сдвиги и корректировки, происходящие сегодня,

поднимают множество вопросов и о намерениях США, и об их возможностях.

Критики американской внешней политики отмечают, что ее творцы требовали от других участников международных отношений соблюдения принципов, которые по различным причинам не применялись к самим США. Идея “американской исключительности” является среди критиков наиболее удручающей чертой американских внешнеполитических деятелей. Исключительность или даже намек на нее уменьшают предсказуемость и надежность в действиях, обманывают ожидания и подрывают доверие. Утверждение “двойных стандартов” – по-разному применяемых к другим и к самим себе – наносит ущерб хорошей политике и практике. Таким образом, исключительность как политический аргумент заслуживает самого серьезного рассмотрения. Однако, если рассматривать роль США в международном сообществе в период многополярности, обнаруживаются факты, реально подтверждающие ее исключительность в современных условиях.

Действия, совершенные Соединенными Штатами от имени международного сообщества, не всегда отражали его волю. И страна, естественно, стала объектом таких чувств, как раздражение, критика и тревога о будущем. Многие усомнились в том, что “американская империя” переживает сегодня стадию “упадка”. Многие задаются вопросом, заслуженно ли “американская модель” является примером для подражания в эпоху многополярности. Были подняты вопросы, касающиеся роли американской внешней политики в многополюсном мире, значимости российско-американской политики “перезагрузки”, а также особой роли американской внешней политики в отношении евразийских стран.

В то время как США не испытывают недостатка в критиках за границей, внутри страны американская внешняя политика также подвергается громкому порицанию. Имели место активные споры и дискуссии относительно того, как американские принципы должны воплощаться в конкретные планы действий или стратегию – в целях осуществления американской политики за рубе-

ГЛИСОН Грегори, профессор политологии университета Нью-Мексико (США), профессор Европейского центра им. Джорджа Маршалла по изучению проблем безопасности (gleason@unm.edu).

жом. В соответствии с традиционным определением, стратегия – это метод соотнесения целей со средствами. Стратегия внешней политики – путь, посредством которого национальный интерес реализуется с учетом имеющихся ресурсов и способностей страны влиять на события за рубежом. Критика американской внешней политики касалась как целей американской внешней политики, так и средств, и методов ее осуществления.

Подобные дебаты сами по себе не новы. Больше двух десятилетий роль США была предметом дискуссии в американском политическом сообществе. Утверждая, что цели больше не подкрепляются необходимыми средствами, некоторые аналитики пришли к заключению, что американская “империя переоценила свои силы”¹. Некоторые аналитики видят изменения в характере и содержании социально-экономических процессов (что, однако, вовсе не обязательно проявляется во внешней политике конкретных государств). Рассматривая конец биполярного мироустройства, Фрэнсис Фукуяма утверждал, что самые важные идеологические конфликты закончатся тогда, когда демократия, рыночно ориентированная политика и международные политические стандарты будут приняты во всем мире². Другие аналитики отмечают и иные изменения, привлекая внимание к возникновению культурных конфликтов в контексте проблемы “столкновения цивилизаций”. Об этом, в частности, писал в 1993 г. на страницах одного из самых влиятельных внешнеполитических изданий Сэмюэль Хантингтон, утверждая, что “линии разрыва между цивилизациями будут линиями будущих фронтов”³.

Более поздние исследователи подчеркивали важность гражданских ценностей и политического выбора. Они утверждали, что цели американской внешней политики превысили имеющиеся возможности⁴. В то же время другие аналитики привлекали внимание к изменяющейся роли США в современном международном сообществе, утверждая, что Америка не находится в состоянии упадка, но “все остальные приподнялись”⁵. Про-

шедшее десятилетие засвидетельствовало заметное ухудшение имиджа Америки и снижение ее “морального авторитета” за границей. Некоторые исследователи объясняют это неудачами США во “внешнеполитической игре”. Другие полагают, что изменилась сама игра. Причем изменилась не только “структура” международной системы, но и сами механизмы международного порядка.

Если сегодня меняются векторы мировой политики, то возникает вопрос о том, что ждет их в дальнейшем? Какие новые штормовые облака формируются вдали? Какие новые возможности складываются за линией горизонта? Фундаментальная дилемма профессии ученых и экспертов в сфере международных отношений такова: будущее невозможно предсказать, и в то же время необходимо планировать ход происходящего. Представление о том, что будущее можно предсказать – заблуждение гордости, от которого способно излечить даже самое поверхностное исследование истории. Но попытка проигнорировать приготовления к будущему – упущение, которое может стоить репутации вне зависимости от личного везения.

Ведущие американские внешнеполитические стратеги признали, что сегодня у Америки новая роль, предполагающая уменьшение масштабов непосредственного влияния. Некоторые наблюдатели видят мир, в котором основная конкуренция происходит между национальными государствами, преследующими свои традиционные цели в нетрадиционном контексте. Его сущность Роберт Каган выразил словами “мы вошли в век расхождений”⁶? В докладе влиятельного разведывательного ведомства *National Intelligence Council* “Глобальные тенденции 2025” (*Global Trends 2025*), обнародованном в 2008 г. накануне президентских выборов в США, ведущий американский эксперт в области международных отношений Томас Фингэр утверждал, что непосредственное влияние США в мире будет и далее уменьшаться, что выведет на первый план другие формы влияния. Фингэр также полагает, что ключевая сфера многолетнего американского превосходства – военная – “станет наименее” существенным активом во все более конкурентном мире будущего, потому что “никто не собирается напасть на нас, используя свое превосходство в обычных вооружениях”⁷. В многополярном мире Америка нуж-

¹ См., например: *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N.Y., 1987.

² См.: *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.Y., 1992.

³ *Huntington S.* The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. 1993. V. 72. № 3. P. 186–194.

⁴ См.: *Bacevich A.J.* The Limits of Power: The End of American Exceptionalism (American Empire Project). N.Y., 2008.

⁵ См.: *Zakaria F.* The Post-American World. N.Y.–L., 2008; *Layne Ch.* The Waning of U.S. Hegemony – Myth or Reality? A Review Essay // International Security. V. 34. № 1 (Summer 2009). P. 147–172.

⁶ *Kagan R.* The Return of History and the End of Dreams. N.Y., 2008. P. 4.

⁷ *Warrick J., Pincus W.* Reduced Dominance Is Predicted for U.S. Analyst Previews Report to Next President // The Washington Post. 10.09.2008.

дается в иных инструментах влияния. При этом выбор того или иного инструмента влияния отныне зависит от того, где находится “точка опоры”. Таким образом, США, по всей видимости, будут искать такие места, где существуют “точки опоры”, и где партнеры сами мотивированы действовать в американских интересах, – вместо того, чтобы оказаться вынужденными действовать в чужих интересах.

В перспективе важно помнить о том, что тенденция – это еще не судьба. То, что произошло в прошлом, может не произойти в будущем, по крайней мере, не аналогичным образом. Так на что же можно опереться, обратившись к прошлому? Какие уроки можно извлечь из прошлого, отбросив ошибочные взгляды? Существуют некоторые аспекты политики, которые носят постоянный характер, но существуют также гибкие, адаптивные и инновационные. С чего начать, чтобы четко их разграничить? Автор рекомендовал бы время от времени перечитывать американскую историю. Переосмысление истории американской внешней политики может дать немало полезных рекомендаций тем, кто хочет понять внешнюю политику США в будущем.

“АМЕРИКАНСКИЙ ВЕК” И “ГЛОБАЛЬНОЕ СТОЛЕТИЕ”

Большинство сведущих в политике людей признают, что Америка играла важную роль в мировом сообществе в течение многих лет. За прошедшие шесть десятилетий в мировой политике США заработали репутацию лидера в области международных стандартов, катализатора технологического развития, сторонника конкурентных, но справедливых методов рыночной экономики, защитника международной безопасности, верного поборника демократического правления и прав человека и миротворца в международных отношениях. Большая часть XX в. в умах многих людей во всем мире характеризовалась выражением “американский век”, введенным в оборот в 1941 г. влиятельным американским издателем Генри Люсом. Люс обращался к тому периоду в жизни страны, когда американцы готовы были использовать свои ресурсы и выгодное геополитическое положение, технологические достижения и моральные обязательства не только для того, чтобы реагировать, но и для того, чтобы формировать изменения.

При сравнении прошлого с настоящим различия всегда существенны. Когда Генри Люс заявил об “американском веке”, население Земли составляло приблизительно 2 млрд. человек.

В 40-х годах XX в. мощь американской власти держалась, прежде всего, на природных ресурсах, индустрии и обрабатывающей промышленности. Уголь, нефть, сталь, древесина и цемент стали основой построения того мира. Промышленный индекс Доу-Джонса, характеризующий состояние 30 ведущих фирм в США и часто используемый в качестве “исходной точки” для оценки изменений на рынках, относился почти исключительно к предприятиям тяжелой промышленности. Многие строительные материалы, которые сегодня, в эру современных технологий, считаются базовыми, еще не были изобретены. В 1940 г. США потребляли приблизительно 22 млн. кВт. электроэнергии, получаемой за счет переработки угля⁸. К концу Второй мировой войны США обеспечивали большую часть объема промышленного производства всей планеты.

Сегодня, на пороге второго десятилетия XXI в., ситуация кардинально отличается от прежней. Население планеты составляет почти 7 млрд. жителей, что приблизительно в 3.5 раза больше, чем в 1940 г. Многие “экологически грязные” производства прошлого вытеснены новыми технологиями и новыми секторами экономики. США производят гораздо меньшую долю от общего объема мирового промышленного производства, – вероятно, лишь около 20%. В 2010 г. Доу Джонс включал в себя показатели большого числа компаний (в том числе таких, как *Disneyland*, *MacDonalds*, *Microsoft*), представляющих в настоящее время силу американской промышленности или являющихся, по крайней мере, генераторами деловой активности. С того времени Соединенные Штаты почти в 4 раза увеличили потребление электроэнергии (99.3 кВт в 2008 г.), получаемой теперь преимущественно от переработки нефти, а не угля.

Современный мир глобализируется. Интересы США сегодня подвержены влиянию по основным направлениям со стороны различных стран мира. В широком спектре сфер деятельности – от энергетики, окружающей среды, науки, торговли и культуры до национальной безопасности – они испытывают воздействие остального мира. Америка должна быть заинтересована в этих странах как партнерах, союзниках и друзьях. Она вовлечена в их дела не вследствие каких-то больших планов, а в силу обычных реалий эры глобализации.

Глобальная роль США сегодня, с учетом ее истории, могла бы быть непредсказуемой, если бы

⁸ Киловатт равен 1015 британским тепловым единицам. 1 кВт эквивалентен энергии, содержащийся приблизительно в 170 млн. барр. нефти.

не проблемы, возникшие за ее пределами. Те, кто знает историю Америки, помнят, что ее лидеры (как и ее граждане) не всегда были благосклонны к амбициям других стран. Америка возникла как страна иммигрантов и была населена людьми, которые оставили Старый свет, чтобы избежать жестокого обращения, лишений и подчинения. Родившись как народная республика в процессе революции против монархического абсолютизма и привилегий аристократии, США изначально культивировали дух индивидуального равноправия и частной инициативы. Новую американскую республику мало интересовали конфликты и политические проблемы Старого света. Обобщенно сформулировав цели американской внешней политики, первый госсекретарь Томас Джефферсон заявил, что цель новой страны в международных отношениях заключалась в неизменном стремлении к “миру, торговле, честной дружбе со всеми странами, исключая союзы с любой из них”. В течение первого столетия своей истории Америка ограничивалась экспансией в пределах нового континента, решением внутренних проблем и борьбой за национальную консолидацию. Когда борьба за консолидацию потерпела неудачу, в стране произошел раскол вследствие жесточайшей Гражданской войны. Америка добилась процветания, и ее ресурсы стали достаточными для расширения влияния за пределы ее границ. Американцы проявили стойкий иммунитет к имперским идеям и иностранному влиянию. В XVIII и XIX столетиях европейские империи расширяли свое влияние и добивались процветания за счет колониальной экспансии. Америка была явным исключением в этом ряду.

После принятия Декларации независимости в 1776 г., 13 колоний Америки объединились в свободную конфедерацию. 11 лет спустя независимые штаты приняли Конституцию, преобразовав конфедерацию в союз. Американское правительство было создано более года спустя – в 1789 г. Молодой государственный союз был занят преимущественно внутренними делами и являлся самодостаточным, но был связан водными путями с Западом. Первым существенным территориальным приобретением Америки была покупка у Франции в 1803 г. Луизианы за 15 млн. долл. Одним из первых заявлений, относящихся к американской внешнеполитической доктрине, стала Доктрина Монро. В своем выступлении перед Конгрессом 2 декабря 1823 г. президент Монро назвал две вещи: одну из них помнят, а о второй часто забывают или игнорируют. Монро заявил, что территория США не должна рассматриваться в качестве объекта возможной колонизации ни

одной европейской державой. Он также заявил, что сами США не должны вмешиваться в европейские дела.

В то время, когда было сделано заявление Монро, Испания все еще претендовала на Мексику и большую часть западного побережья Америки как на свое колониальное владение. После того, как в 1821 г. мексиканцы объявили о своей независимости от Испании, между США и Мексикой развернулось соперничество за обладание Техасом и Калифорнией. США признали Техас в 1837 г., и в 1845 г. он присоединился к союзу. В 1846 г. Конгресс утвердил Орегонское соглашение, устанавливающее раздел северо-западной территории между США и Великобританией вдоль 49-й параллели. В том же году Конгресс объявил войну Мексике из-за Калифорнии, и в 1848 г. она завершилась выплатой Соединенными Штатами 18 млн. долл. Мексике в качестве выкупа за Калифорнию. Южная часть Аризоны и Нью-Мексико были куплены у Мексики в 1853 г. за 10 млн. долл.⁹ В 1859 г. российский император Александр II предложил США купить Аляску, отчасти из-за предчувствия того, что Великобритания имеет намерение захватить эту территорию. Гражданская война в США прервала обсуждение этой темы, которое, тем не менее, возобновилось в 1867 г., в результате чего Соединенные Штаты согласились выплатить России запрашиваемую цену в 7.2 млн. долл. В 1898 г. США объявили войну Испании из-за Кубы и уничтожили испанский флот в Маниле. Побежденная Испания уступила США контроль над Кубой, Пуэрто-Рико, Гуамом и Филиппинами за 20 млн. долл. Одновременно США аннексировали Гавайи после того, как гавайское правительство было свергнуто в результате восстания. В результате соглашения с Германией Америка также приобрела остров Самоа. В 1901 г. “Кубинская конвенция” сделала Кубу американским протекторатом. Луизиана, Калифорния, Аляска, южная Аризона и Нью-Мексико, Куба, Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины – иными словами, большая часть территориальных приобретений Америки на западе, на севере и на юге были результатом успешных сделок, но не захватов.

Это резко контрастировало с политикой европейских колониальных империй. Испания и Португалия стояли у истоков разведывания и территориального захвата колоний. Вслед за ними

⁹ Эта сделка известна как “Покупка Гэдсдена” (*Gadsden Purchase*) – по имени подписавшего соответствующий договор посла США в Мексике Джеймса Гэдсдена. (Прим. ред.)

шли Англия, Франция, Нидерланды, Германия и Россия. Значительная часть земного шара находилась под властью колониальных империй, пока не началась конкуренция за влияние (в мире. – **Прим. пер.**). Все колониальные империи до того момента были основаны на захватах территории, аннексии и подавлении. Эти империи не строились на сделках “купли-продажи”.

Европейская колониальная система несет на себе ответственность за работорговлю, которая была привнесена и внедрена в Америке европейскими колониальными державами, в результате чего стала частью коммерческой системы плантаций в США. Той системы, которая институционализировала и увековечивала нищету, дискредитируя тем самым Америку¹⁰. Принятие в 1913 г. 16-й поправки к американской Конституции заметно увеличивало власть американского федерального правительства, установив индивидуальный подоходный налог и учредив центральный банк, Федеральную резервную систему США. Два этих события оказали огромное воздействие на формирование внешней политики США, резко увеличив доходы федерального правительства и финансовый контроль с его стороны. В 1917 г. США вступили в Первую мировую войну, объявив войну Венгрии и Австрии в тот момент (1917 г.), когда война уже почти закончилась. В 1918 г. в своих знаменитых “Четырнадцати пунктах во имя мира” Вильсон ясно сформулировал одну из самых далеко идущих и идеалистических американских внешнеполитических доктрин, содержащих цели и задачи американской политики. Вильсон – наиболее яркий представитель американского идеализма, он председательствовал на первой сессии Лиги Наций (ему была присуждена Нобелевская премия мира “За привнесение фундаментального закона человечности в современную международную политику”), но не сумел добиться поддержки американцев в борьбе против чувства изоляции. В 1920 г. американский Сенат проголосовал против присоединения к Лиге Наций.

Бессмысленная жестокость Первой мировой войны вызвала международное отвращение к склонности европейских наций использовать войну как средство для урегулирования политических противоречий. Однако в середине 30-х

годов XX в. нерешенные в период Первой мировой войны проблемы неизбежно подталкивали мир к более масштабному и острому конфликту. В 1937 г. премьер-министром в Великобритании был избран Невилл Чемберлен. В следующем году в Тихоокеанском регионе с оккупации Маньчжурии и создания японской “Сферы совместного процветания” началась японская экспансия. Гитлер, назначив себя военным министром, начал движение к повторному завоеванию территорий, находившихся ранее под немецким господством. Ответным шагом стала состоявшаяся в сентябре 1938 г. в Мюнхене (Германия) дипломатическая конференция, на которой Чемберлен согласился с требованиями Гитлера оккупировать Судетскую область, способствуя тем самым разжиганию аппетита агрессора вместо противодействия ему.

Даже накануне Второй мировой войны нежелание участвовать в иностранной политике, известное как “консервативный изоляционизм”, противостояло активистскому интернационализму. Вторая мировая война изменила Соединенные Штаты. Когда война охватила Европу, американцы начали пересматривать вопрос об ответственности страны в свете идеи Люса об “американском веке”. Война мобилизовала Америку, как никакое другое предшествовавшее историческое событие. Мозаика из 48 слабо координированных федеральных штатов постепенно трансформировалась в сравнительно управляемую и централизованную национальную систему. К концу Второй мировой войны, в 1945 г., США обеспечивали более половины мирового промышленного производства. Величественным финалом военных усилий стал самый дорогой в истории проект в сфере безопасности: расчет, разработка и сборка самого опасного оружия в мире – ядерной бомбы. Это была борьба не только американского, но мирового масштаба. Лаборатория Лос-Аламоса собрала со всего мира кадры выдающихся ученых, из которых только четверть были американскими гражданами по рождению. США вошли во Вторую мировую войну в качестве затворнической изоляционистской державы, а вышли из войны как мировая супердержава.

Вскоре после окончания Второй мировой войны американские политические лидеры оказались в беспрецедентной ситуации. Война привела к огромным человеческим жертвам; целые страны были побеждены, опустошены и остались фактически беспомощными. Война против держав “оси” и бремя послевоенной реконструкции оставили многие из ведущих мировых держав неспособными эффективно отстаивать свои интересы

¹⁰ Англия играла видную роль в атлантической работорговле. “Рабовладельческий треугольник” был создан Фрэнсисом Дрэйком и его соратниками. К 1750 г. рабство было правовым институтом во всех 13 американских колониях, а прибыль от работорговли служила источником дохода для британской экономики до промышленной революции.

в процессе переустройства послевоенных международных учреждений. Американские лидеры находились в привилегированном положении вследствие большого военного, экономического и морального авторитета, что позволило Америке взять на себя инициативу в установлении ценностей, правил, норм и процедур, которые сформировали структуру международных отношений в последующий период. Госсекретарь при президенте Трумэне Дин Ачесон в своих мемуарах описал период между 1941 и 1952 г. как время “великой тьмы”¹¹.

Накануне войны в США преобладали изоляционистские настроения. После войны Америка была страной с международными обязательствами, которые она сама не брала на себя, но которые нельзя было отклонить. Страна играла ключевую роль в проектировании и финансировании наиболее влиятельных международных институтов, включая ООН, Всемирный банк и многие другие учреждения. США сыграли ведущую роль в формировании послевоенного международного порядка и стремились положить конец доминированию “советского блока” над государствами Центральной Европы. Своим личным примером Соединенные Штаты утверждали новые стандарты в политической жизни и практике. Америка стала одним из самых активных мировых спонсоров, оказывающих помощь иностранным государствам. Она выбрала такой внешнеполитический курс, который обладал почти “магнетической” привлекательностью для других стран, выступая как мировой лидер в области технологий, а также как модель эффективной, популярной, успешной, самоуправляющейся и демократической системы. Будучи одной из многих наций, в международном сообществе США стали играть роль “необходимой нации” – как это было много позже сформулировано тогдашним госсекретарем Мадлен Олбрайт.

Соперничество между Соединенными Штатами и их главным конкурентом – СССР – довольно быстро разделило мир на два противоположных лагеря. Предложенный Рузвельтом “великий замысел” о “четырех мировых полицейских” (которыми должны были бы стать США, Англия, Россия и Китай) агонизировал и прекратил существование в силу сложившихся к тому моменту обстоятельств. Возникли новые международные организации. Была создана Организация Объединенных Наций – менее мощная, чем Лига Наций, но более влиятельная. Одновременно были соз-

даны международные организации, призванные осуществлять регулирование мировой экономики. Нежелание советского руководства демобилизовать и вывести свои войска из Европы, Ирана, Греции и Турции убедило западный мир в том, что новое соперничество имело как военный, так и идеологический характер: это было соперничество и идей, и армий. Выступая в феврале 1946 г. в Фултоне (штат Миссури) на церемонии вручения дипломов выпускникам Фултонского колледжа, Уинстон Черчилль предупредил, что “железный занавес” уже опустился над Европой.

Присоединение правительства Чехословакии к коммунистической фракции в феврале 1948 г. и отказ Советского Союза вывести свой воинский контингент из других восточноевропейских государств подтолкнули Запад вернуться к стратегии “сдерживания” и противодействия влиянию коммунизма. Наступил 1949 г. – год потрясений. В апреле 1949 г. Советы закрыли для стран Запада доступ к большей части Берлина, что ускорило так называемый Берлинский кризис. В ответ на это западные правительства перебросили по воздуху 1.5 млн. т гуманитарной помощи гражданам “западной зоны” Берлина. В августе 1949 г. было официально провозглашено создание Федеративной Республики Германии со столицей в Бонне. Однако Конституция ФРГ не признавала разделения на две страны, то есть на Восточную и Западную Германию. Многие немцы ожидали того дня, когда страна, наконец, воссоединится.

В атмосфере конфронтации времен холодной войны Соединенные Штаты начали разрабатывать пути нейтрализации угрозы со стороны Советского Союза. Эти разработки легли в основу американской идеологической, экономической и международной политики следующей половины века. Холодная война разразилась в 1949 г., сразу же после того, как СССР провел первые ядерные испытания.

Почти вся политическая история в период с 1949 по 1991 г. выстраивается вокруг соперничества в холодной войне. Ведущий эксперт по истории холодной войны Джон Льюис Гэддис говорит о “геополитических операционных кодах”, сформировавших доктринальную основу для ответа Америки на политику, проводимую СССР. Гэддис называет несколько специфических фаз этого “ответа”: “доктрина Трумэна” и политика “сдерживания” (1947–1949 гг.); период “отката” в соответствии с директивой Совета национальной безопасности № 68 (1950–1953 гг.); “новый взгляд” (1953–1961 гг.); политика “гибкого реагирования” (1961–1969 гг.); “разрядка” (начало 70-х

¹¹ См.: *Acheson D. Present at the Creation: My Years at the State Department. N.Y., 1969.*

годов XX в.), возобновление холодной войны (1979–1985 гг.) и “перестройка” (1986–1991 гг.).

Несмотря на холодную войну, в некоторых сферах сотрудничество США и СССР продолжалось. Дух “разрядки” достиг своего апогея во время конференции в Хельсинки в 1975 г., названной Совещением по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Советский Союз принимал участие в этой конференции, преследуя лишь одну цель: добиться дипломатического признания границ восточноевропейских государств – границ, которые никогда не были официально признаны после завершения Второй мировой войны. Американские дипломаты добивались одновременного улучшения международной безопасности, экономического сотрудничества и политической либерализации. Последняя категория – политическая либерализация – известна как “третья корзина”, поскольку стала дополнением к более неотложным проблемам безопасности и экономики. Она включала в себя соблюдение прав человека, свободу совести, право на самоопределение, а также право на репатриацию разделенных семей. Встреча закончилась подписанием Хельсинкского заключительного акта. Забота о соблюдении прав человека в конечном счете стала наиболее характерной особенностью диалога между Востоком и Западом, который продолжался в течение 20 лет на последующих конференциях под эгидой СБСЕ вплоть до 1995 г., когда участники конференции формально переименовали ее в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Советский коммунизм основывался на доктрине нового пролетарского эксперимента, который полностью охватил бы весь мир, став ведущей формой правления, а затем полностью устранил бы правительство. Тем не менее в советской системе выделился некий отличный от других вектор. В первые годы идея мирового социализма была заменена идеей построения “социализма в конкретной стране”, в результате советская система развилась до ядерной сверхдержавы, соперничающей с США и западными странами в единственной сфере – военном потенциале. После падения Берлинской стены в 1989 г. международное сообщество приобрело намного более сложную структуру, чем это было 50 лет назад. Исторически крупная трансформация международного сообщества могла произойти лишь после серьезного конфликта. Здесь хотелось бы вспомнить Вестфальский мирный договор, Венский конгресс, Парижский мирный договор или восстановление порядка после Второй мировой

войны. В этих исторических примерах содержался призыв к установлению мира после войны. Однако после распада коммунизма у миротворцев появилась новая проблема: как добиться мира в мирное время.

Возникли гораздо более серьезные проблемы: сотрудничество в сфере экологии трансграничных ресурсов, ресурсов, находящихся в общей собственности (таких как рыболовный промысел и разработка месторождений на морских шельфах) и истощимых природных ресурсов; сотрудничество в сфере безопасности по транснациональным проблемам – таким, как международная преступность и перевозка наркотиков. В то же время прежние проблемы безопасности так и не были решены, однако приобрели более локальный характер, отражая националистические страсти и чувство взаимной неприязни. Как только власть и влияние двух блоков было разрушено, разрушился и весь миропорядок. Одни экономические проблемы так и остались нерешенными, другие обострились в связи с ростом населения и конкуренцией между странами. Проблемы американской внешней политики претерпели изменения. Для решения этих проблем США начали бороться с трансформацией этих механизмов.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Появление многополярной конфигурации государств, международных организаций, корпораций, неправительственных организаций и возникновение на мировой арене великого множества “актеров” влечет за собой изменение их правил и ролей. Понимание роли США в этом новом многополярном сообществе должно начинаться с признания того факта, что Америка не является просто обычной державой из прошлого, и нельзя ожидать, что она станет обычной державой в будущем. Характерной чертой внешней политики Соединенных Штатов в прошлом было то, что она являлась *исключением* из многих моделей прошлого. Обращаясь к будущему, можно увидеть несколько моментов, проистекающих из американских ценностей и прошлого опыта; но есть и другие моменты, связанные с ожиданиями и целями.

Прежде всего, внешняя политика США отражает значение индивидуальных прав, прав человека, важности справедливой игры в бизнесе и хорошего правительства. Это обычно и понимается под демократией. Иногда это вводит в заблуждение, потому что под демократией разные люди могут понимать совершенно разное. В США демократия означает соучастие народа, его политическую

ответственность, осуществление обещанных планов, справедливость, подчинение закону и право на судебную защиту. Демократия означает право мирного собрания и свободу слова. Она не дает права неуправляемой толпе слоняться по улицам. Когда демократические и личные права понимаются корректно, это значит, что люди изначально равны между собой и имеют право на справедливое и объективное отношение к себе со стороны государства и других людей – вместе или по отдельности. Соображения по поводу реализма и прагматизма иногда влияют на то, насколько глубоко соблюдаемые принципы реализуются на практике, но сами принципы при этом не меняются.

Во-вторых, важно осознавать, что XXI в. – это век интеграции, а не территориальных споров. И метафоры великодержавных политиков XIX в. не могут служить руководством к будущему. “Большая игра” в Евразии существует только в умах тех, кто использует исторические аналогии, пытаясь разобраться в ситуации, находящейся за пределами их кругозора. Существует борьба за ресурсы, соперничество за выгодное положение на рынке, подозрительность и враждебность. Но в XXI в. ни одна страна мира (включая США) не имеет преимуществ в предъявлении территориальных претензий.

В-третьих, необходимо подчеркнуть, что власть науки и технологий станет одним из самых важных рычагов влияния в будущем. Будущая экспортная политика Евразии сегодня сильно зависит от потребления топлива за рубежом. Некоторые евразийские страны с целью недопущения чрезмерной экономической зависимости от одного сектора, предприняли важные шаги по модифицированию экономики, созданию долгосрочного реинвестиционного фонда на базе доходов от добычи нефти и газа во избежание масштабных перекосов так называемой голландской болезни¹². Долгосрочные усилия по развитию сельскохозяйственного сектора и наращиванию будущего

экспортного потенциала (как, например, рынки урана), ослабили чрезмерную зависимость некоторых экономик стран Евразии от топливного экспорта. Способность адаптироваться к изменениям на энергетических рынках в будущем будет зависеть от их способности воспринять происходящие изменения в сфере технологий.

В-четвертых, было бы целесообразным заново оценить последствия нестабильности и мятежей в Евразии. Америка инвестировала огромные средства в успешную стабилизацию и нормализацию ситуации в Афганистане. Решение США о начале проведения военной операции в Афганистане хорошо известно и понятно. США действовали таким образом с целью нейтрализовать следующие волны террористических угроз, направленных против них и их союзников, после преднамеренного и жестокого нападения на страну в сентябре 2001 г. Террористические атаки унесли жизни 2996 невинных американцев и граждан других стран. Они были результатом кампании по обучению, вооружению, финансированию и руководству бесчеловечными противниками Америки и других цивилизованных обществ мира. В 2001 г. правительство Афганистана само по себе не играло никакой роли в этих событиях, однако оно предоставило политическое убежище экстремистам, укрыв их на своей территории после осуществления ими террористических актов, и не сделало ничего, чтобы помешать террористам осуществлять новые теракты в будущем. Используя свое право на самооборону и с целью предотвратить подобные атаки в будущем, США направили свои войска в Афганистан для устранения этой угрозы. Кроме того, Америка стремилась помочь в установлении правительства, которое смогло бы предотвращать террористические атаки в будущем. В декабре 2001 г. Совет Безопасности ООН принял решение о создании Международных сил содействия безопасности (*International Security Assistance Force, ISAF*), чтобы изменить эту незаконную ситуацию в Афганистане (резолюция СБ ООН 1386 от 20 декабря 2001 г.). Собралась коалиция из числа тех стран, которые были готовы взять на себя решение проблем стабилизации и нормализации ситуации в Афганистане. 11 августа 2003 г. НАТО приняла командование военными операциями в Афганистане в ответ на просьбу афганского правительства и Совета Безопасности ООН.

Все эти факты хорошо известны и понятны. В меньшей степени принимается во внимание, что действия США были продиктованы соображениями самообороны и альтруизма, а не амби-

¹² “Голландская болезнь” – ситуация, когда в целом показатели экономического развития страны выглядят чрезвычайно благоприятно, но радужная картина скрывает глубокие диспропорции. Своему появлению на свет термин обязан проблеме, возникшей в Нидерландах в 60-х годах XX в., когда открытие крупных месторождений газа привело к расширению экспорта, резкому укреплению гильдена и потере конкурентоспособности в неэнергетическом секторе экономики. Подобные проблемы с тех пор возникали в самых различных странах мира, имеющих большие природные запасы: и в Норвегии, и в Англии, и в Индонезии, и в др. (см.: http://www.businessvoc.ru/bv/Term.asp?word_id=26491). – Прим. ред.

циями “великой державы”, поиском внешнеполитических приключений или планами по созданию “Великой Центральной Азии” под американским управлением. Американское правительство кровно заинтересовано в предотвращении дальнейших атак на американскую территорию и американских граждан. Кроме того, США имеют альтруистическую, но более ограниченную заинтересованность в оказании помощи правительству Афганистана на пути избавления афганского народа от бесконечной череды конфликтов, существующих на протяжении жизни уже не одного поколения. У Америки нет ни интереса, ни намерения оккупировать страну на другой стороне земного шара.

В Афганистане идет война. США стремятся завершить ее, достигая при этом своих целей. Американские лидеры ясно дали понять, что решение не будет достигнуто посредством одних лишь военных действий, но путем перехода к формуле постконфликтного сотрудничества, которая непосредственно относится к Афганистану и затрагивает, в том числе, соседние государства и других акторов в регионе. Президент Обама разработал для Афганистана стратегическую программу стабилизации в переходный период, для подготовки к передаче военных и законодательных полномочий афганскому правительству с момента начала вывода американских войск из Афганистана в июле 2011 г.¹³

Саммит НАТО, состоявшийся в Лиссабоне в ноябре 2010 г., завершился заключением детально разработанного, обоснованного и скоординированного соглашения о развитии сотрудничества в сфере транспорта и связи. Обама, в частности, упомянул о выводе войск, переходном периоде и долгосрочных согласованных обязательствах США в Афганистане, заявив следующее: “Мы достигли полного согласия относительно нашей новой Стратегической концепции в Афганистане; завтра наши союзники по НАТО, партнеры по *ISAF* и правительство Афганистана будут работать с целью согласования курса наших действий по Афганистану, обращая особое внимание на две сферы: переход всей полноты власти к афганскому руководству в период между 2011 и 2014 г., и развитие долгосрочного партнерства, которое мы выстраиваем сегодня с Афганистаном”¹⁴.

На саммите ОБСЕ в Астане в декабре 2010 г. были подтверждены аналогичные обязательства (стран – участниц процесса афганского урегулирования. – **Прим. пер.**). В заключительном коммюнике, в частности, отмечалось: “Мы подчеркиваем необходимость эффективного участия на основе потенциала и национальных интересов каждого государства-участника, коллективных международных усилий по созданию стабильного, независимого, процветающего и демократического Афганистана”¹⁵.

Сразу же после террористических актов 11 сентября судьба Афганистана оказалась неразрывно связанной с судьбой США, а также многих других развитых и развивающихся стран¹⁶. Именно по этой причине резкое ухудшение ситуации в Афганистане в 2010 г. и перспектива “погружения в хаос” вызвали такую тревогу¹⁷. Серьезность ситуации закалила решимость политических лидеров США и Европы удвоить активность по нормализации ситуации в этой стране. Критики американской внешней политики сразу же заявили о том, что заинтересованность и рвение США объясняются стремлением получить доступ к природным ресурсам Ближнего Востока и Афганистана. Историки, безусловно, еще долго будут об этом спорить с научной точки зрения, а реалисты, трезво оценивающие настоящую ситуацию, обратят внимание на тот факт, что сокращение численности американских войск оставит ситуацию в Центральной Азии отягощенной целым комплексом различных и очень сложных проблем, затрагивающих страны Ближнего Востока и Южной Азии. Ситуация будет лучше, чем могла бы быть без гуманитарной интервенции, но, бесспорно, сохранит немалое количество новых проблем по части стабильности и нормализации отношений в регионе.

Бремя нормализации ситуации в Афганистане впоследствии будет рассматриваться не как предмет ответственности США, а как общая проблема, нерешенность которой чревата последствиями, затрагивающими жизненные интересы многих стран региона. Будет много возможностей возложить вину на прошлое, однако это не уменьшит необходимости решения задач в будущем. Именно поэтому российский губернатор Борис

¹³ См.: *Obama B.* Remarks by the President in Address to the Nation on the Way Forward in Afghanistan and Pakistan. Eisenhower Hall Theatre, United States Military Academy at West Point. West Point, N.Y., December 1, 2009 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-address-nation-way-forward-afghanistan-and-pakistan>).

¹⁴ <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2010/11/19/remarks-president-nato-summit-and-new-start-treaty>

¹⁵ Astana Commemorative Declaration: Toward A Security Community. OSCE. December 2, 2010 (<http://www.osce.org/mc/73962>).

¹⁶ См.: *Bergen P.* The Longest War: The Enduring Conflict Between America and al-Qaeda. L., 2011.

¹⁷ *Rashid A.* Descent into Chaos: The United States and the Failure of Nation Building in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia. N.Y., 2008.

Громов и посол Дмитрий Рогозин, ни одного из которых нельзя назвать страстными апологетами американской внешней политики, утверждают: “Мы настаиваем на том, чтобы войска НАТО остались в стране [Афганистане], пока не будут достигнуты необходимые условия для установления стабильной местной власти, способной самостоятельно сдерживать радикальные силы и управлять страной”¹⁸. Как только численность американских войск в Афганистане сократится, большая ответственность окажется в руках стран, которые были неспособны или не желали принимать меры по противодействию насилию, возникшему из афганских мятежей 90-х годов XX в.

Необходимость положить конец затянувшемуся конфликту в Афганистане переключила внимание на сеть транзитных маршрутов для гражданского и военного транспорта, проходящего через территории его северных соседей. Поставка материалов для стабилизации и восстановления страны через евразийские государства была необходима, вызванной уязвимостью очень ограниченной транспортной инфраструктуры в южных и восточных пограничных регионах Афганистана. “Асимметричные” нападения повстанцев на транспортные средства в Пакистане в 2007–2008 гг. сделали неизбежным создание альтернативных маршрутов транспортировки. Перевозка восстановительных материалов в Афганистан через евразийские транзитные коридоры – сеть транспортных маршрутов, иногда называемая “Северная сеть распространения” (*Northern Distribution Network, NDN*), – возникла в ответ на транспортную уязвимость как широкомасштабная и многосторонняя попытка обеспечения прямой поддержки политической и экономической стабилизации в Афганистане. Создание подобной сети стало тактическим и прагматическим средством приспособления к политической и экономической реальности.

Усиление северных маршрутов было связано с возникновением нового политического консенсуса в целях обеспечения нового подхода к дополнительным поставкам. Транзитные соглашения облегчили перевозку в страну боевой техники с того момента, как международное сообщество переориентировалось на Афганистан после террористических атак на США в сентябре 2001 г. Однако за последние годы материально-техническая ситуация резко изменилась, так как были достигнуты новые политические договоренности о разрешении Международным силам

содействия безопасности НАТО и боевой технике США осуществлять транзит по суше, морю и воздушным путям через пространство евразийских государств. Сегодня более половины поставок, необходимых для восстановления Афганистана, проходят через соседние северные государства. Переход на использование наземных маршрутов (стоимость перевозок на которых обычно не превышает 10% от стоимости воздушных перевозок) способствовал изменению маршрута поставок и принес экономическую выгоду евразийским государствам, способствуя снижению спроса на топливо для воздушного транспорта. В соответствии с этими и другими соображениями, действующие требования, обусловленные ситуацией в Афганистане, способствовали выработке нового подхода к международному сотрудничеству в Евразии.

Американская модель важна, поскольку США играют лидирующую роль. Америка не находится в состоянии упадка. Те, кто повторяет эти слова, делают так из ревности или от разочарования. США не являются господствующей силой в мире. Цивилизация – вот главная сила в мире. Соединенные Штаты были в центре деятельности мировой цивилизации, но в действительности никогда не формировались, исходя из цели – быть ведущей мировой державой. На протяжении большей части истории страны американские творцы внешней политики стремились выявить возможности для предотвращения неопределенности за пределами ее границ. Америка получила “глобальную роль” главным образом вследствие мировых тенденций, которых она самостоятельно не создавала. Это было скорее необходимостью, нежели вопросом выбора. США исполняли эту роль с достоинствами и недостатками, успехами и провалами. Американские ценности и институты – особенно в XX столетии – имели больше влияния за границей, чем внутри страны. Но наиболее существенный вклад США в ситуацию за пределами ее границ состоял в демонстрации ее успехов, а не в применении особых методов.

Дни политики в духе XIX в., основанной на территориальном подходе, подошли к концу, но некоторые из имперских пережитков пока сохраняются. Историческая роль США особенно важна в этом контексте: это не империя, не колониальная держава и не экспансионистская система. Соединенные Штаты расценивают суверенные страны как наделенные правом на территориальную целостность, невмешательство в их внутренние дела, правом определять свою собственную политику и вступать в объединения и союзы, равно как и определять свои национальные ин-

¹⁸ Gromov B., Rogozin D. Russian Advice on Afghanistan // The New York Times. 12.01. 2010.

тересы. США не поддерживают идею “особых сфер влияния”, которые понижают некоторые страны до уровня обладателей “суверенитета второго класса”. Исторически итог достаточно ясен. США не придерживаются никаких определенных “сфер влияния”, этого никогда не было и не будет. Америка не одинока в своей приверженности данному принципу, но иногда бывала одинокой в отстаивании последнего. Как заявил президент Обама в своем выступлении в Каирском университете 4 июня 2009 г., “те, кто имел обыкновение отчитывать Америку за то, что она действовала в мире в одиночку, не могут теперь стоять в стороне и ожидать от Америки, чтобы она решала в одиночку мировые проблемы”.

Соединенные Штаты не совершенны и американское лидерство не является идеальным решением всех мировых проблем, но когда альтернативы ему неприемлемы, Соединенные Штаты, как можно ожидать, будут готовы действовать. Что касается способа применения средств, находящихся в их распоряжении, с целью защитить свои интересы, интересы своих друзей и союзников во всем мире, то США используют власть не ради самих себя, но в интересах всех тех, кто в этом нуждается. В этом состоит идея “умной власти”.

Умная власть воплощена в особом политическом подходе, который реализуется в пяти областях. США будут стремиться обновить и создать новые средства связи (*vehicles*) для сотрудничества с партнерами. Америка будет совмещать гражданские и военные мероприятия в конфликтных областях. США будут выполнять свои обязательства в отношении тех, кого считают важными, и даже в отношении тех, кто не соглашался с американскими позициями в прошлом. Можно ожидать, что Соединенные Штаты будут развивать экономику и поощрять технологические инновации, рассматривая их в качестве основных “столпов” американского влияния. Примером тому послужило укрепление лидирующего положения США в прошлом. Важнейшее значение Америки сегодня состоит в том, чтобы экспортировать не интересы, а принципы, не влияние, а помощь, не страх, а надежду. И это может стать самым большим ее вкладом в будущее.

Ключевые слова: американская исключительность, многополярность, Америка, империя, двойные стандарты, Афганистан, “сферы влияния”.

Перевод Н. БИРЮКОВОЙ
(miroslava23@yandex.ru).